

Наумов Николай Иванович

**Собрание сочинений Н.И.
Наумова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Н63

Н63 **Николай Иванович Н.**
Собрание сочинений Н.И. Наумова / Наумов Николай Иванович – М.: Книга по Требованию,
2026. – 524 с.

ISBN 978-5-519-98704-2

ISBN 978-5-519-98704-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

УМАЛИШЕННЫЙ.

(Психологическій этюдъ).

Въ декабрѣ 187... года, въ г. Т...ъ былъ доставленъ гри рапортъ крутологовскаго волостного правленія крестьянинъ села Крутые Лога, Осипъ Дехтяревъ, для освидѣтельствованія въ губернскомъ правленіи и для помѣщенія на излеченіе въ домъ умалишенныхъ. На первое время, Дехтярева помѣстили въ городской больницѣ, и, по наблюденію врача и прислуги, въ поведеніи больного и въ рѣчахъ его не проявлялось признаковъ, доказывавшихъ разстройство умственныхъ способностей. Живой, веселый характеръ, плавная, всегда остроумная рѣчь привлекали въ палату, въ которой помѣстили Дехтярева, слушателей изъ другихъ палатъ. Всѣ съ любопытствомъ и недоумѣніемъ смотрѣли на страннаго умопомѣшаннаго, который заткнулъ бы за поясъ любого умника, какъ выражались фельдшера и прислуга. Фельдшеровъ смущало одно только обстоятельство: Дехтяревъ ѣлъ необыкновенно много, ѣлъ почти поминутно, и все-таки чувствовалъ голодъ, но ни разу не жаловался на разстройство желудка или на боли въ немъ; притомъ онъ спалъ крайне мало, иногда двѣ, три ночи онъ не смыкалъ глазъ и не чувствовалъ усталости и упадка силъ.

Въ назначенный для освидѣтельствованія день Дехтярева привезли въ губернское правленіе и ввели въ присутственное зало, гдѣ были всѣ члены комиссіи, губернаторъ и между прочими два военныхъ врача. Помолвившись на икону въ переднемъ углу, Дехтяревъ почтительно поклонился присутствующимъ и молча подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли члены. На видъ ему было около сорока лѣтъ, роста онъ былъ средняго, худой. Лицо его было блѣдно. Темно-русые волосы на головѣ, стриженные въ свобку, были тщательно причесаны. Небольшая бородка и усы обрамляли красивыя губы, на которыхъ мелькала лукавая улыбка. Живые каріе глаза его выражали острый, проницательный умъ; когда же онъ задумывался, то въ нихъ просвѣчивала грусть. Онъ съ любопыт-

ствомъ осмотрѣлъ всѣхъ членовъ и, еще разъ поклонившись имъ, улыбнулся.

— Какъ тебя зовутъ, братецъ?—спросилъ его губернаторъ.

— Осипомъ!—отвѣтилъ онъ.—По сказкѣ-то пишусь Осипъ Микитинъ Дехтяревъ.

— Ты помнишь, сколько тебѣ лѣтъ?

— Не знаю, ваше почтеніе... или какъ тебя взвеличать-то? Благодародіемъ, што ли?...—отвѣтилъ онъ.

— Превосходительство! — подсказалъ сидѣвшій къ нему ближе всѣхъ военный врачъ.

— Ну, присходительство, будь не то...—произнесъ Дехтяревъ.— Вишь, мы неграмотные, живемъ-то въ лѣсу; по нашей-то простотѣ, што ни пенъ—то икона; встрѣтишь чиновника-то, такъ не знаешь, какъ и взвеличать-то его, думаешь, что всѣ они благородные, ну, и крестишь всякаго благодародіемъ! Не обезсудь, что обмолвился, не тѣмъ именемъ обозвалъ тебя!—закончилъ Дехтяревъ, поклонившись.—Это ты и есть самый-то набольшій генераль по губерніи?—спросилъ онъ.

Губернаторъ засмѣялся; засмѣялись и члены.

— Я!...—отвѣтилъ ему губернаторъ.

— Вотъ ты какой!—наивно произнесъ Дехтяревъ, съ любопытствомъ осмотрѣвъ его.—Одобряютъ тебя мужики то... шибко, слышь, они за тебя Бога молятъ!..

— За что же они одобряютъ меня?...—спросилъ губернаторъ, слегка покраснѣвъ.

— Угодилъ ты имъ... ужъ такъ, братъ, угодилъ, што чиновниковъ-то своихъ на притужальникѣ держишь, не даешь имъ чужое-то добро по карманамъ шарить,—што не знаютъ, какому чудотворцу за тебя и свѣчу ставить!..

— Такъ теперь ужъ не шарятъ чужое добро по карманамъ, а?...—шутливо спросилъ у него губернаторъ.

— Утихли!.. Не слыхать што-то, развѣ гдѣ по-малости; ну, такъ малость-то пашъ братъ и въ счетъ не кладетъ!.. И они вѣдь тоже люди, слышь, пить, ѣсть хотятъ, а иному государскаго-то жалованья, сказываютъ, и на обутки не хватаетъ; надоть гдѣ-нибудь братъ, ну, а коли у него подъ бокомъ овечка пасется... которую всѣ стригутъ, такъ пошто и ему, глядя на другихъ, не сорвать съ нея клочекъ-другой.

Среди членовъ снова пробѣжалъ смѣхъ и виѣстъ съ тѣмъ шопотъ. Всѣ они съ любопытствомъ и удивленіемъ смотрѣли на Дехтярева.

— Ты грамотный?...—спросилъ его одинъ изъ членовъ.

— Нѣ-ѣ-тъ!.. Учили читать-то; родитель, покойная головушка,

радѣлъ объ этомъ, и читалъ я, да забылъ... Нонѣ, пожалуй, и аза не найду въ книгѣ-то, не читаю!..

— Отчего же ты бросилъ читать?.. — спросилъ его одинъ изъ врачей.

— Бросилъ-то пошто?—переспросилъ онъ.—Да какъ тебѣ, братецъ, оповѣстить: не къ лицу равно нашему брату грамота-то!

— Отчего же не къ лицу?—спросилъ губернаторъ.

— Отчего?.. Хе!.. Да вотъ отчего, твое присходительство,—улыбаясь, отвѣчалъ онъ:—коли ты всякую-то книгу читать станешь, то неровенъ грѣхъ, и умнымъ сдѣлаешься, почнешь обо всемъ судить да рядить, вотъ и бѣда!.. Проку-то отъ пересудовъ твоихъ, пожалуй, не выйдетъ, а грѣха-то не оберешься!..

— Какого же грѣха?—спросилъ врачъ.

— Какого грѣха-то?.. А вотъ какого, ваше почтеніе: я вотъ и не письменный человѣкъ, а за то, што поговорилъ по правдѣ съ обществомъ, сталъ передъ нимъ волостного голову на свѣжую воду выводить, такъ и подвели, што я будто не въ своемъ разумѣ, прислали лечить, вашихъ благородіевъ теперь утруждаютъ свидѣтельствомъ меня—въ разумѣ я или нѣтъ... вотъ и суди!.. А коли бы на грѣхъ да еще письменный-то былъ, книги-то читалъ, такъ чего же бы было тогда, а?.. Тогда ужъ, братъ, прямо бы на цѣпь посадили и лечить бы не стали!..

Члены снова вопросительно переглянулись между собой.

— Что же ты выводилъ передъ обществомъ на волостного голову?—спросилъ губернаторъ.

— Всѣ его качества!..

— Говори яснѣе: какія качества—хорошія или худыя...

— Хорошія или худыя?—повторилъ онъ, усмѣхнувшись.—Хорошими-то развѣ кто попрекнетъ человѣка, а?.. Вѣдь только, братъ, на гнилой водѣ пузыри-то всплываютъ, а на проточной-то ты ихъ не увидишь!..

— Плутъ онъ, что ли, а?..

— Плу-у-тъ!.. — снова улыбнувшись, повторилъ Дехтяревъ.— Нѣтъ, братъ, твое присходительство, какое-то слово для него милостиво; его надоть такимъ словомъ окрестить, чтобъ больнѣй обуха било!..

— Почему же общество терпитъ его, если, по твоимъ словамъ, онъ такой негодяй, а?

— Общество!—презрительно произнесъ Дехтяревъ и сплюнулъ на сторону.— Добрые люди шапку-то по головѣ выбираютъ, а у насъ, братъ, голову-то по шапкѣ выбрали, вотъ и понимай!.. Общество-о!—

снова протянулъ онъ послѣ минутной паузы. — Въ нашемъ обществѣ, што ни воръ, што ни плутъ, тотъ и первый человѣкъ, вездѣ ему и честь, и мѣсто, и сладкій кусокъ: вотъ каково наше общество! — нѣсколько раздраженно закончилъ Дехтяревъ.

— Сердить же ты на свое общество. Развѣ оно что-нибудь сдѣлало тебѣ, а?.. — спросилъ губернаторъ.

— Насолило, братъ, такъ насолило, што и умру, такъ не прокисну...

— Чѣмъ?..

— Неправдой своей. Продажной совѣстью! За што они меня стегали, — спроси-ко ты ихъ?..

— Кто они?.. — прервалъ его губернаторъ.

— Общественники!

— Когда?..

— Ужъ года два будетъ темеръ, если не болѣ. Такъ, братъ, стегали, такъ стегали, што, думалъ, съ душой пропущу. А за што, што я имъ сдѣлалъ? Въ угоду головѣ, голова науськала. Вишь, ему не любо стало, што я не такой дуракъ, какъ всѣ мужики, што я всѣ подходы и выходы его выслѣдилъ, такъ ему надоть было безчестье на меня положить, предъ всѣмъ міромъ опозорить, а?.. А у общества совѣсти хватило въ угоду головѣ тиранствовать надо мной, а?.. Христопродавцы они! Всю свою совѣсть рады въ ведрѣ вина утопить!.. Въ угоду богатому хошь въ могилу бѣдняка вгонять, вотъ оно наше-то общество! — съ дрожью въ голосѣ закончилъ онъ и на блѣдномъ лицѣ его выступилъ яркій румянецъ.

— За что же голова гонить тебя?..

— Нѣтъ, братъ, твое присходительство, какъ онъ не гонить меня, а ужъ ему меня не догна-а-ать. У меня въ пальцѣ-то больше сметки, чѣмъ въ головѣ его милости, вотъ што скажу я тебѣ! А извѣстно, ему не любо, што нашелся на міру человѣкъ съ глазами, и видитъ все въ потьмахъ, гдѣ другіе ошупью ходятъ, да которому, еще къ эфтому взять — ничѣмъ рта не заткнешь. Ну, и сталъ онъ безчестить меня, сначала общество напустилъ на меня, наговорилъ ему, что я и гультай, и бражникъ, што кромѣ вредительности отъ меня и ждать міру нечего, што меня-де поучить надоть; ну, и думалъ, што-какъ шкуру-то снимутъ съ меня, я и уймусь, новой-то, што наростетъ, ужъ жалко мнѣ будетъ. А я, вишь, не унялся, все свое пою. Постигъ онъ, што дѣло не ладно, што поетъ-поетъ парень да чего-нибудь вѣдь и напоетъ на него, и подвелъ струну, што я-де не въ своемъ разумѣ, его-де лечить надоть. Вотъ и гляди, какія дѣла въ мірѣ-то творятся! А лечить-то,

братъ, надоть не меня, а нашего голову, да лечить-то его надоть базарной плетью. Вотъ пропиши-ка ему этакое средство, такъ міръ-то за тебя не одпу свѣчу предъ Богомъ затеплить!

— Да что же онъ дѣлаетъ противузаконнаго, ты все-таки не скажешь мнѣ. Ты Расскажи, для примѣра, хоть одно худое дѣло его.

— Заѣлся, братъ, онъ, вотъ тебѣ, къ примѣру, чего скажу? Превыше себя и закона не знаетъ! И какъ не заѣсться человѣку—слава-те Господи!—третье трехлѣтіе дослуживаетъ, общество-то, шго паукъ, тене-тами опуталъ. Когда его въ головы-то выбрали, всего двѣ скотины имѣлъ, изба-то, словпо стыдись, бочепилась отъ добрыхъ людей. а теперь — и-и-и, съ Федоромъ Игнатьичемъ и купцу-то не всякому въ пору тягаться!..

— Отъ чего же разбогатѣлъ онъ: отъ взяточничества, отъ незаконныхъ поборовъ?

— Фальшивые рубли обстроиться помогли!..

Между членами снова пронесся шепотъ. Предсѣдатель губернскаго правленія, нагнувшись къ губернатору, о чемъ-то горячо заговорилъ съ нимъ.

— У тебя есть какія-нибудь улики въ доказательство тѣхъ злоупотребленій, какія дѣлаетъ вашъ голова?—спросилъ губернаторъ.

— Улики!—насмѣшливо произнесъ Дехтяревъ;—развѣ хорошій воръ оставляетъ по себѣ слѣды?—спросилъ онъ въ свою очередь.—А нашъ-то голова изъ самолучшихъ воровъ первый, его, братъ, въ трехъ огняхъ накачивали, да въ трехъ водахъ остуживали, такъ онъ теперь не токма изъ кремня, изъ глины, што-ись огонь вырубить... да-а!..

— Что же, вашъ голова самъ занимается дѣланіемъ фальшивыхъ денегъ или только переводить ихъ, а?—спросилъ предсѣдатель.

— Зачѣмъ онъ самъ будетъ дѣлать, коли клейменные мастера есть на то,—отвѣтилъ Дехтяревъ. — Слава Богу, изъ Росси мастеровъ-то этихъ сотнями въ Сибирь шлютъ. Нашему мужику объ это ремесло и мараются не доводится!..

— Кто же эти мастера?

— Бѣглецы каторжники, кто же ипой? Сторона у насъ глухая, изъ лѣсовъ да болотъ не скоро на бѣлый-то свѣтъ выглянешь, такъ лѣтомъ фабриканты-то эти по займкамъ *) у головы да его прихлеб-

*) Большинство крестьянъ Сибири, у которыхъ напаша и сѣнокосы лежатъ иногда въ разстояніи десяти и пятнадцати верстъ отъ деревень и селъ, чтобы не терять въ рабочую пору время на разъѣзды, строятъ около нашенъ жилища избы съ печами, въ которыхъ пекутъ хлѣбъ и готовятъ пищу. Избы эти называются «займками».

никовъ и мастерятъ билеты. Двойная, братъ, имъ нажива отъ самодѣльныхъ-то денегъ! Кругомъ татарва, какія деньги ни дай имъ, все за путныя идутъ! Ну, и сбываютъ имъ за скотъ, шкуры да шерсть и мужикамъ исподтиха подсовываютъ, а коли попадется мужикъ съ этими деньгами, такъ головѣ съизнова нажива—такъ его острогомъ да слѣдствіемъ застрашаютъ, што онъ послѣднюю рубаху сниметъ да отдастъ, только не заводи дѣла, не допускай до начальства, да еще за того же Федора Игнатьича и Бога молить, што душевный человѣкъ не подвелъ его подъ гибель. Такимъ-то, братъ, образцомъ и разжился нашъ Федоръ Игнатьичъ, и не онъ одинъ этимъ рукоблудствомъ занимается. Много у него прихлебниковъ, ими онъ и въ головахъ-то держится, а бѣдность по-неволѣ молчить, потому такъ они ее опутали, што и пикнуть не смѣетъ. Ты вотъ знаешь-ли, што голова-то у насъ, почитай, за половину волости изъ своего кармана подати вносить?

— Почему?

— Догадайся ка... какъ они людѣ-то путаютъ да заѣдаютъ. Онъ вотъ за тебя подать-то внесетъ, а ты на него круглый годъ, какъ на барина какого, и робь, а пикни ты супротивъ Федора Игнатьича — э-э... онъ за долгъ-то и избы, и скота рѣшить, да еще въ контрактную работу замурмолить. Вотъ, братъ, какъ... у насъ мужики-то поживаютъ... всласть слезой умоется, кулакомъ оботрется, а отъ страху-то и словесный бы человѣкъ безсловеснымъ сдѣлался! Любо-ли?.. Голова вотъ сказалъ обществу: „выстегай Осипа Дехтярева, потому што препятствуетъ мнѣ... петлю на васъ забрасывать“, и чуть, братъ, душу не выстегнули изъ меня! Коли кто головѣ не по взгляду пришелъ, ужъ лучше бѣги изъ волости, а то загубить, и общество ничего... только за пазуху себѣ вздыхаетъ да раболѣпствуетъ передъ нимъ, потому-што опутано, ни силы, ни голоса у него нѣтъ. А вотъ нашелся этакой мужикъ, какъ я, што ничѣмъ ты его въ резонъ не введешь, ни крестомъ, ни пестомъ, ну, и сдѣлали неразумнымъ, прислали лечить. Лечи.

— Сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ его одинъ изъ военныхъ врачей, все время внимательно наблюдавшій за нимъ.

— Не считаль... да и тебѣ закажу о мужичьихъ годахъ не справляться!.. — не глядя на него, отвѣтилъ Дехтяревъ.

— Отчего же не справляться, развѣ крестьяне не ведутъ счета прожитымъ годамъ?—спросилъ инспекторъ врачебной управы.

— Ведутъ, да по-своему, не всякій въ толкъ-то возьметъ. Мужикъ, братъ, вотъ какъ свои года спознаетъ: коли цѣлы у него зубы, перекусываетъ лентъ да дерево, стало быть молодъ, а коли у него зубы не выбили, а сами выпали, стало быть старъ, пора и изъ подушнаго въ выключку. Вотъ, братъ, какая у насъ о годахъ примѣта!

Среди членовъ пробѣжалъ смѣхъ.

— Что же еще голова дѣлаетъ противузаконнаго, а? — снова спросилъ его губернаторъ.

— А развѣ этого мало, чего я наказывалъ? — съ ироніей спросилъ, въ свою очередь, Дехтяревъ.

— Можетъ быть, ты еще что-нибудь знаешь?

— Знаю!.. Я много про него знаю. Я, братъ, знаю, гдѣ и деньги тѣ лежатъ, которыя морошкинскій староста потерялъ! За што вотъ мужика раззорили, а? Спроси-ка?

— Кого же спросить?

— Меня... я тебѣ до слова все выпишу, какъ дѣло было: прошлаго года о масляной, скажу тебѣ, морошкинскій сельскій староста Титъ Мироничъ Березниковъ привезъ сдавать въ волость деньги девять сотенъ рублей, што собралъ съ крестьянства подати. Ладно! Не надоть утаить предъ тобой, што этотъ самый Титъ мужикъ бы по всѣмъ статьямъ былъ праведный, коли бы не любилъ грѣшнымъ дѣломъ со штофомъ лбызаться! Ну, пріѣхалъ онъ и говоритъ головѣ: прими, Федоръ Игнатьичъ, деньги, такъ, говоритъ, они словно камнемъ на душѣ лежатъ, скорѣй бы сдать ихъ; а голова и поетъ въ отвѣтъ ему: повремени, куда спѣшить, дѣло-то теперь праздничное, пойдѣмъ-ка лучше ко мнѣ, говорить, въ блины около сковородокъ поиграемъ. И пошли это, голова, Титъ, писарь да еще человѣка два сподручныхъ. Долго-ль тамъ они въ блины играли, не скажу тебѣ, только Титъ захмѣлѣлъ и свалился. А голова, какъ Титъ-то очнулся на утро, и зоветъ его въ волость деньги сдавать. Пришли. Хватился Титъ денегъ — въ одномъ карманѣ нѣтъ, да и въ другомъ — пусто, и заметался туда, сюда, денегъ и слѣдъ простылъ, да такъ, братъ, и по сейчасъ мечется, ищетъ ихъ.

— А какъ же деньги, въ казну внесъ кто-нибудь?

— Титъ и заплатилъ, до копеечки выложилъ. Продалъ скотъ, скарбъ, *) какой былъ, въ долги вѣхалъ на сажень выше росту, да а теперь по міру ходитъ!

— Ты сказалъ, что знаешь, гдѣ лежатъ эти деньги?

— Знаю! У головы съ писаремъ.

— Почему же ты думаешь, что у нихъ именно, а?

— А гдѣ же болѣе-то?.. Вѣдь Титъ-то у головы въ домѣ спалъ. Неужь со стороны человѣкъ пошелъ бы въ домъ головы мужика обворовывать, а? Онъ съ писаремъ и обдѣлалъ все дѣло, на чего-нибудь вѣдь и писаря-то обстроиваются! Изъ нашей волости ужъ двое писа-

*) Скарбъ — имущество.

рей въ купцы вышли, да и третій, братъ, не сегодня, завтра за прилавокъ сядетъ. У насъ, братъ, лафа тому жить, кто совѣсь потерялъ и объяви о розыскѣ ея не сдѣлалъ. Вѣрь! А про это што ты скажешь?—снова началъ онъ. — Лѣтъ пять ужъ будетъ теперь, ѣздилъ по нашей волости купецъ съ товаромъ и, сказываютъ, денежный, ѣздилъ, ѣздилъ, да куда-то туда Богъ его занесъ, што и не выѣхалъ! Только ужъ когда снѣга стояли, такъ ноги его изъ-подъ ракитова куста на бѣлый свѣтъ выглянули!..

— Замерзъ или убили?

— Безъ головы оказался! Головы-то такъ и не пашли, а только по обуви да по платью признали его. Ну, слѣдствіе сейчасъ, судъ пошелъ! Мало ли тогда милый міръ-то встряхивали! Искали, искали, никого повинныхъ не нашли, такъ въ воду дѣло и кануло. А ужъ потомъ, братецъ, года черезъ три время, то у головы штука ситца проявится, то у писаря, и не простого ситчика, а такого, какой у купца того примѣчали, а у головы опосля еще и уздечку спознали, и хомутъ, какой на лошади у купца того былъ. Ну, чего-жъ пошептались объ этомъ на міру, пошептались, да и махнули на все рукой. Вотъ, братъ, какія дѣла-то у насъ дѣлаются. Умные-то люди ихъ и видятъ, да молчатъ, а дураки-то, какъ я, благовѣстятъ! Ну, вотъ и нелюбо, за это вотъ и посылаютъ лечить, чтобъ лекаря уша подбавили, чтобъ зналъ мужикъ, про чего ему говорить и про чего молчать!..

— Ты все это и выводилъ передъ обществомъ? — спросилъ его предсѣдатель.

— Какъ на ладонѣхъ выкладывалъ!

— За это тебя и сѣбли?

— Нѣ-ѣтъ!.. За это меня въ перазумные произвели да лечить прислали! Снизойдите, господа честные, явите мнѣ милость; курить я свычеу имѣю, а меня, слышь, когда схватили да повезли на вашъ судъ, такъ што есть зинушка-то не дали почище надѣтъ, сапоговъ-то покрѣпче. Въ какой рвани былъ, въ той и прислали, руки-то скрутили мнѣ, посмотри, до синихъ рубцовъ (и, сбросивъ съ правой руки рукавъ полушубка, онъ засучилъ рубаху и показалъ синѣвшіе на рукахъ слѣды отъ веревокъ); дайте мнѣ двадцать копеекъ — табачку купить, справлюсь, Богъ дастъ, отдамъ.

Одинъ изъ членовъ досталъ изъ бумажника три рубля и подаль ихъ Дехтяреву.

— Много этого, куда мнѣ столько... мнѣ бы двадцать копеекъ за глаза! — произнесъ онъ.

— Возьми, возьми!..

— Ну, дай тебѣ Богъ здоровья! — отвѣтилъ онъ, поклонившись. — А это, слышь, никакъ еще впервой на свѣтѣ, што чиновникъ мужику денегъ дать, а то все болѣ мужики чиновниковъ ими снабжали!.. — съ ироніей произнесъ онъ, держа въ рукахъ ассигнацію.

Губернаторъ засмѣялся въ отвѣтъ на выходку Дехтярева, среди членовъ также пробѣжалъ смѣхъ. Дехтярева увели. Коммиссія признала его совершенно здоровымъ, или, какъ сказано было въ актѣ, „вполнѣ владѣющимъ умственными способностями“; только одинъ изъ военныхъ врачей, все время наблюдавшій за нимъ, утверждалъ, что онъ умопомѣшанный. По распоряженію губернатора, была назначена особая слѣдственная коммиссія для производства дознанія по выводамъ Дехтярева, а также удостовѣренія о личности самого Дехтярева и обстоятельствахъ, вызвавшихъ звѣрское обращеніе съ нимъ сельскихъ властей и общества.

Дехтяревъ былъ сильно обрадованъ извѣстіемъ, что онъ поѣдетъ домой вмѣстѣ съ членами слѣдственной коммиссіи. Во всю дорогу не покидало его веселое настроеніе; онъ потѣшалъ казаковъ, съ которыми ѣхалъ, своими прибаутками и часто пѣлъ. Въ памяти его былъ неисчерпаемый запасъ пѣсенъ, и большинство ихъ, повидимому, были его собственнаго творчества. Объ этомъ можно было судить по ихъ сатирическому складу и потому, что въ нихъ воспѣвалась общественная бездѣятельность и неурядицы сельской жизни; мѣткими чертами обрисовывались волостные начальники, судьи, писаря, иногда въ нихъ звучали меланхолическія ноты, особенно когда воспѣвался какой-нибудь бѣднякъ, задавленный горемъ и общественными нападками.

На пятый день по выѣздѣ изъ города коммиссія вѣхала въ предѣлы крутологовской волости. На станціяхъ, во время перепряжки лошадей, къ экипажамъ сбѣгалось почти все населеніе деревень, привлекаемое любопытствомъ посмотрѣть на Дехтярева. Народъ съ участіемъ и состраданіемъ относился къ нему. На послѣдней станціи къ селу Крутые Лога произошла довольно оригинальная сцена. Экипажи, по обыкновенію, были окружены густою толпой. Дехтяревъ, закутанный въ шубу, сидѣлъ въ пошевняхъ.

— Здоровъ ли ты, Осипъ Микитичъ? — спрашивали его окружающіе.

— Здоровъ, братцы, вылечили! — съ улыбкой отвѣтилъ онъ. — Теперь Федору Игнатьичу чередъ хворать пришелъ; вишь, сколько лекарей-то везу его милость въ разумъ вводить, а?

— Ужъ не введешь его теперича въ разумъ, Осипъ Микитичъ, — опоздалъ, вчерашняго дня онъ ужъ Богу душу отдалъ! — отвѣтили ему въ толпѣ.

— Вре-е-шь!—протянулъ съ изумленіемъ Дехтяревъ и поблѣд-
пѣлъ.

— Скоропостижно, другъ, пришибла его смерточка-то!

Дехтяревъ сидѣлъ съ минутой неподвижно, пораженный этимъ из-
вѣстіемъ.

— А за неправды-то свои кому же завѣщаль онъ отвѣтъ-то дать? —
спросилъ вдругъ онъ.

— Ну, братъ, на какое-то наслѣдье едва ли охотники найдутся! —
со смѣхомъ отвѣтили ему въ толпѣ.

— А-а-а, Осипъ!—раздался въ это время голосъ и къ попевнямъ
подошелъ пожилой крестьянинъ весьма степенной наружности, одѣтый
въ казанскій полшубокъ. При его приближеніи толпа почтительно
разступилась и дала ему дорогу. — Ну, какъ поживаешь, а?—спросилъ
онъ, подойдя къ Дехтяреву.

— Отмѣнно хорошо, Моисей Сильверстычъ!—отвѣтилъ, припод-
нимаемая шапку, Осипъ.

— Ну, подавай Богъ тебѣ... пора! — съ ироніей отвѣтилъ ему
Моисей Сильверстычъ.

— Ручку-съ!..

— На, на... — подавая ему руку, покровительственно сказалъ
онъ. — Образумился ли нонѣ?..

— Въ точности!—отвѣтилъ Дехтяревъ. — Другихъ вотъ въ ра-
зумъ вводить вѣду, Моисей Сильверстычъ!..

— О-о-о! Вотъ ты нонѣ чѣмъ занимаешься...

— Нонѣ и мы при занятіяхъ, Моисей Сильверстычъ, — насмѣш-
ливо отвѣтилъ Дехтяревъ. — Хороводы съ чиновниками вожу, прибау-
точками ихъ благородія тѣшу, съ ихняго чаю ополоски спиваю .. дѣла
много!.. Горе, што Федоръ-то Игнатьичъ померъ, а то бъ и его ми-
лость похлебкой изъ чиновниковъ угостили!.. Вы-то какъ поживаете,
Моисей Сильверстычъ, все ли по добру, по здорову? спросилъ онъ.

— Живу, пока Богъ грѣхамъ терпитъ.

— Обтерпѣлся ужъ Богъ отъ грѣховъ-то вашихъ, Моисей Силь-
верстычъ. Поминаете-ль когда на молитвахъ Митьку-то Безпалова? —
съ улыбкой спросилъ Дехтяревъ.

— А што мнѣ его помянуть-то, родня онъ мнѣ былъ што-ли?

Ближній бы, кажись, свойственникъ.

Съ которой это руки-то?..

— Съ обѣихъ бы ручекъ, кажись... Вѣдь вы, ровно, крестнымъ-
то тятенькой были, когда его на морозѣ то студеной водицей крестили,
а кнутиками отогрѣвали, аль запомнили, отъ кого онъ ума-то рехнулся
да въ землю-то ушелъ?..